

#Библиотекарь рекомендует

Лапшинская поселенческая библиотека
присоединяется к сетевой акции
"Рекомендует библиотекарь".

Организатор акции - ИМО ЦБ им. Л.Н.Попова
МУК "МБО" Вохомского муниципального
района Костромской области.

Сейчас мы привыкли читать книги развлекательного жанра, но я вам советую прочитать сборник повестей Федора Абрамова, в котором рассказывается о нелегкой жизни в деревне, как люди умели работать отдавая всю душу, но в то же время умели и отдыхать. Уважительно относились к старшему поколению, почитали родителей.

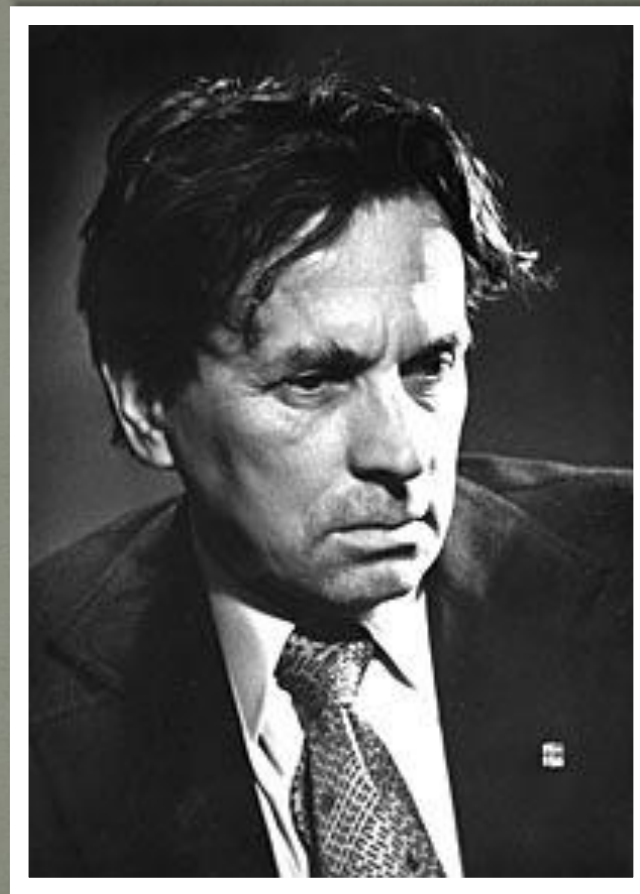
Сборник повестей Ф. Абрамова подарил много ярких впечатлений и эмоций. Об удивительных и отважных людях, которых не сломили ни трудные жизненные обстоятельства, ни равнодушие других. Каждый читатель найдёт в сборнике то, что ему нравится, что тронет душу.

Рекомендую к прочтению, как взрослым, так и детям.

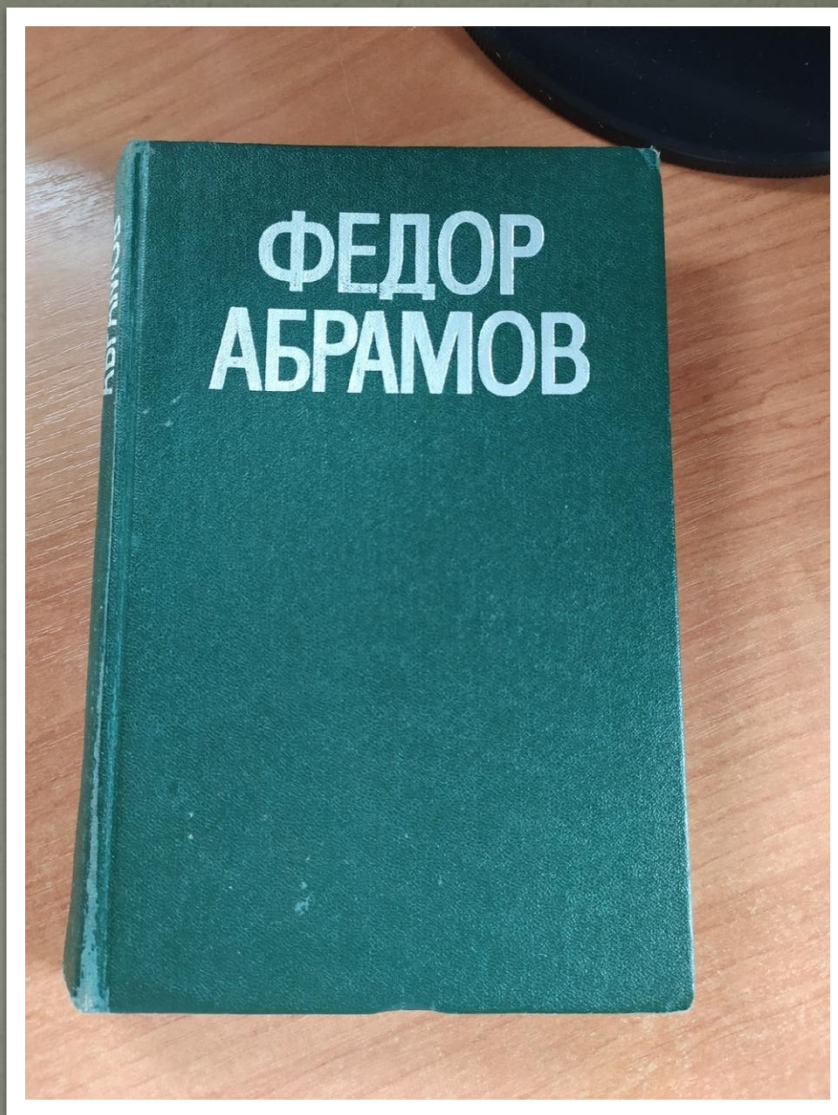
Абрамов Федор Александрович

Фёдор Александрович Абра́мов (29 февраля 1920, село Веркола, Архангельская губерния — 14 мая 1983, Ленинград) — русский советский писатель, литературовед, публицист. Один из наиболее известных представителей так называемой «деревенской прозы», значительного направления советской литературы 1960—1980-х годов.

В книгу выдающегося советского писателя, лауреата Государственной премии СССР Федора Александровича Абрамова вошли хорошо известные читателям повести

- "Деревянные кони",
- "Пелагея",
- "Алька",
- "Вокруг да около",
- "Безотцовщина",
- "Мамониха",
- "Жила-была Семужка".

Маня ездила в город девять дней — на целых три дня больше, чем они договаривались. — и Пелагея последние ночи почти не спала. Все передумала. Самые худые мысли допускала об Альке.

А тут еще завернули морозы. Где старушонка? Уехала в кирзовых сапогах, налегке — не свалило ли в дороге? Наконец вернулась Маня.

В избу вошла — ни дать ни взять чучело огородное: фуражка военная со светлым козырьком поверх шали-завязу-хи, рукавицы — с крупного мужика — по локоть, какая-то шубенка драная шерстью наружу... В общем, как догадалась Пелагея, вешала на себя все, что давали сердобольные люди.

Пелагея вмиг преобразила старуху: на ноги теплые валенки с печи, телогрею собственную дала, тоже заранее нагретую на печи, а затем и стопку белой. Как самой дорогой и желанной гостье.

— Ну как она? — нетерпеливо спросила, когда сели к столу. (Самовар уж кипел — третий день с утра до ночи стоял под парами.)

— Хорошо живет. На большой! — ширнула простуженным носом Маня и для убедительности подняла прокуренный палец. — Фицианкой работает.

— Кем, кем?

— Фицианкой, говорю. С подносом со светлым бегает.

У Пелагеи погасли глаза.

— Ох, Алька, Алька! Нету у нас с тобой счастья. Что уж тут хорошего — с подносом бегать...

— А чего нехорошего-то? Там ведь не у нас — чего хватил, и ладно. Под музыку лопают.

— Под музыку?

— Ну! Поедят, поедят, попляшут, чтобы утряску продуктам в брюхе сделать, да снова за стол...

— Дак это она не в том... не в сторани, где мужики выпивают?

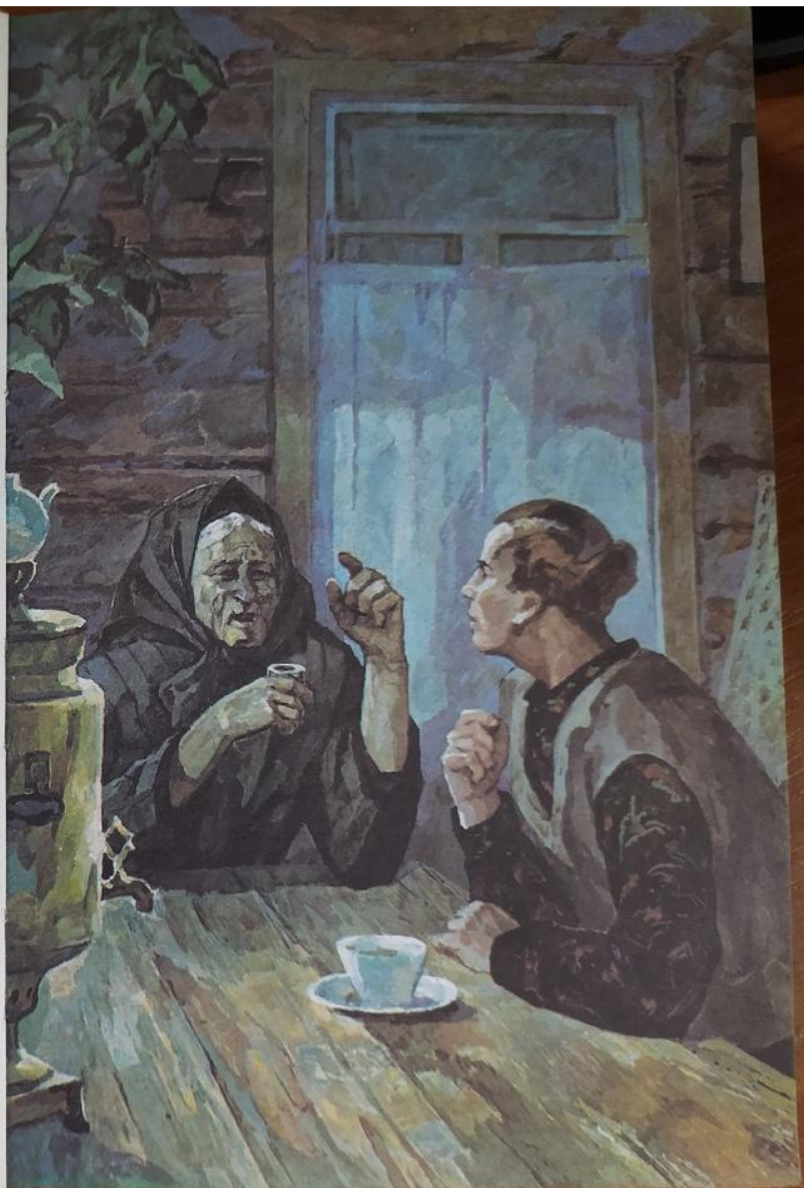
Маня коротко кивнула:

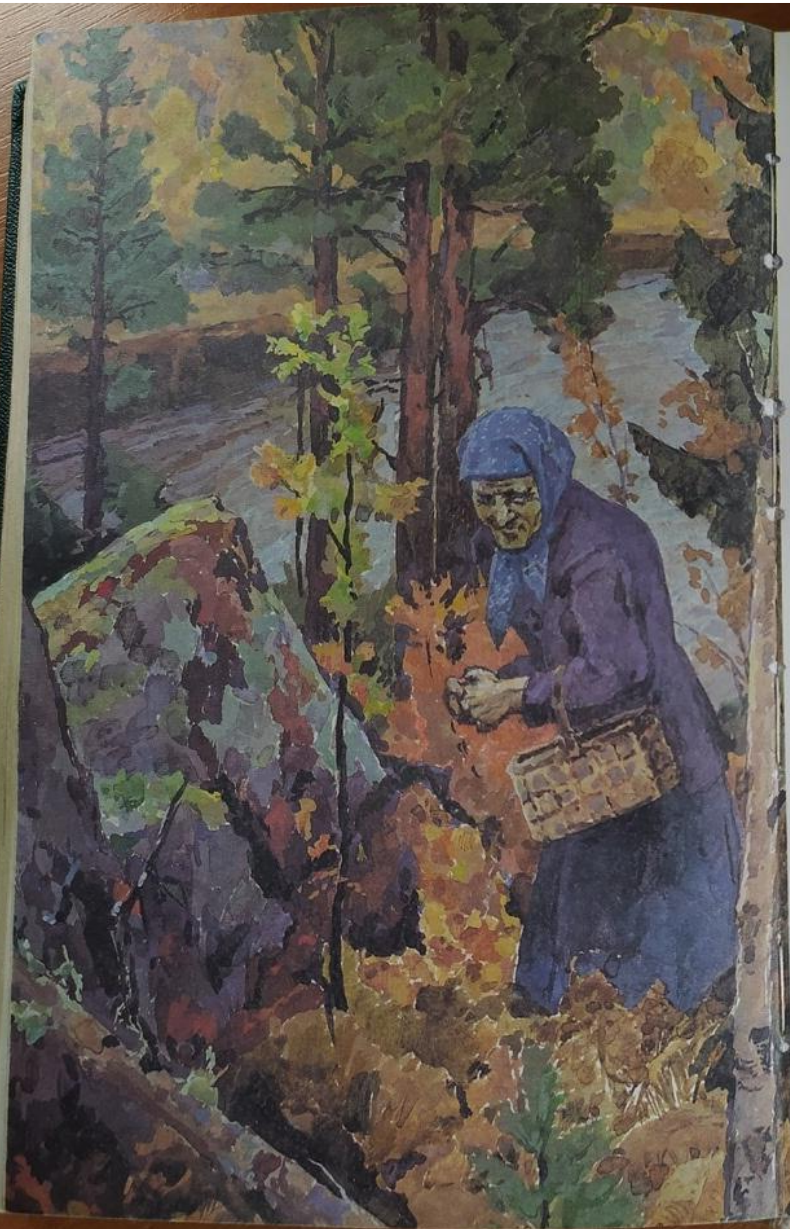
— В сторани.

— Ну, а как она из себя-то? Видом-то как? — продолжала допытываться Пелагея.

— А чего видом-то... Работа не пыльная... И деньги лопатой загребают...

— Плетя-ко... Кто это там такой щедрый?

Приезд гостей застал тетку Груню явно врасплох — она выбежала на крыльцо босиком, без платка, в старом-престаром сарафанишке аглицкого ситца, какой, бывало, надевала по великим праздникам.

— О, о, кто приехал-то! — запричитала она по-родному, окая, врястя. — А я ведь думала, уж и ты передумал.

Мокрый от старушечьих поцелуев и слез, Клавдий Иванович шагнул в желанную прохладу нетопленной избы (тридцать градусов в одиннадцать утра было!), и тут все разом разъяснилось: брат и сестра не приедут — тетка две телеграммы подала ему. На Никодима, как было сказано в телеграмме, неожиданно свалилась важная командировка, а у Татьяны — тоже неожиданно — заболел сын.

Клавдию Ивановичу обидно было до слез. Ведь договаривались же, списывались: нынешним летом собраться под родной отцовской крышей — больше десяти лет не виделись друг с другом. А потом, надо было что-то решать и с самим домом — тетка Груня в каждом письме плакалась: разорили охотники да пастухи ваше строенье, одни стены остались, да и тех скоро не будет.

У Клавдия Ивановича было отходчивое сердце, и сам он быстро справился с собой. Ну не приедут и не приедут — что поделаешь? Чего не бывает в жизни? Но жена... Как все это объяснить, втолковать жене?

Полина последние три месяца, можно сказать, только тем и занималась, что шила платья да всякие там женские штучки-вины — не хотелось ударить лицом в грязь перед столичными. И сколько она денег на это добро извела, так это страшно и выговорить. И вот на тебе — все зря.

дорилась — загнула коробку из бересты, да еще и коробку набрала.

Домой притащилась еле-еле — дорога семь верст, ноша в три погубила гнет, и за весь день сухарик в ручье размочила.

— Отец, Онисья! — заговорила она с порога, через силу улыбаясь. — Ругайте меня, дуреху. Ежели сказать, куда ходила, не поверите...

Ее удивило молчание Анисьи, праздно, без дела сидевшей у стола с опущенной головой. Потом она разглядела мужа. Навел лежал с закрытыми глазами, и попервости она подумала: спит. Но он не спал. Дышал тяжело, со всхлипами, лицо потное, и на сердце мокрая тряпица. Неужели опять приступ?

Пелагея быстро поставила ведро и коробку с ягодами на стол.

— Где Алька? За фершалом побежала?

Анисья опять ничего не ответила.

— Где, говорю, Алька? Вернулась с пекарни?

— Нету Альки...

— Н-не-ту-у? — У Пелагеи ноги подкосились — едва мимо стула не села.

Так вот кто ей махал с парохода, когда она вышла из лесу к реке! Родная дочь. А она-то по-хорошему подумала тогда: вот, мол, какая девка у чьих-то родителей — чужому, незнакомому человеку машет.

— С тем, пройдохой, уехала? — спросила глухо Пелагея.

— Одна.

— Одна? Одна в город-то уехала? А тот где?

— Тот еще вчера уехал.

— Отец, отец... — истощенным голосом заголосила Пелагея, — чуешь, что дочи-то у нас наделала?

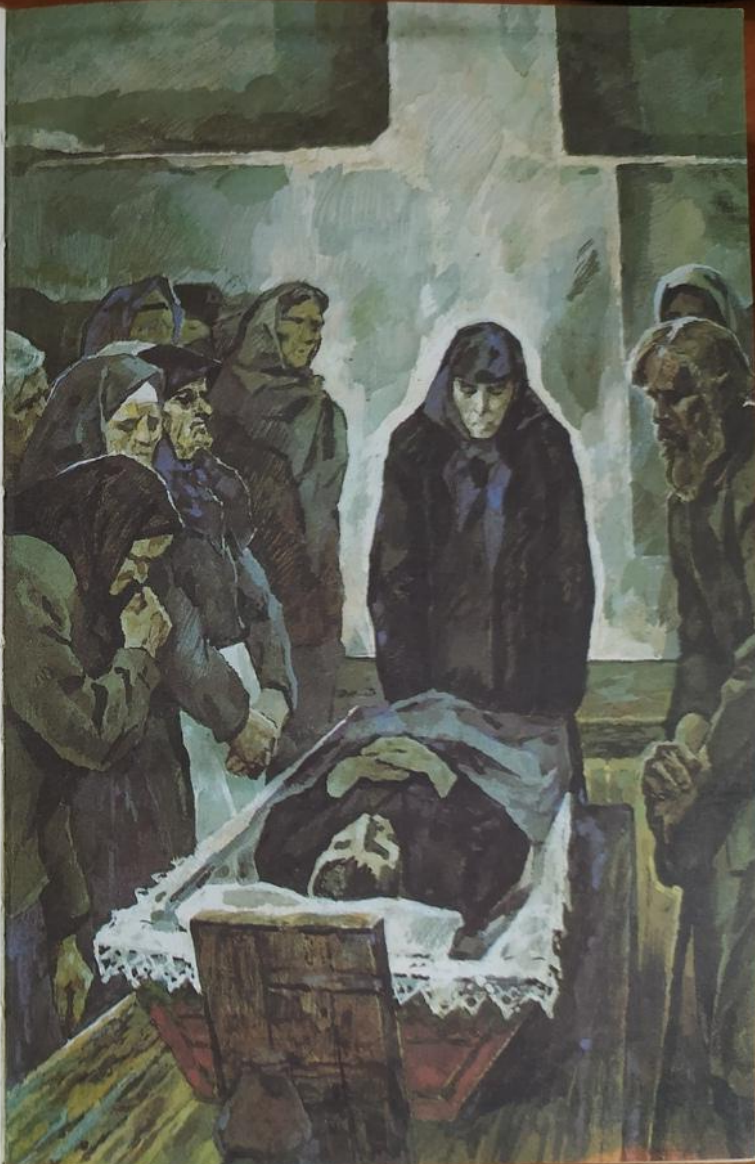
Анисья вывела ее в сени и там окончательно добила: Алька в положении. Так по крайности она сказала тетке и отцу, когда днем, прибывав с пекарни, вдруг начала собираться в город.

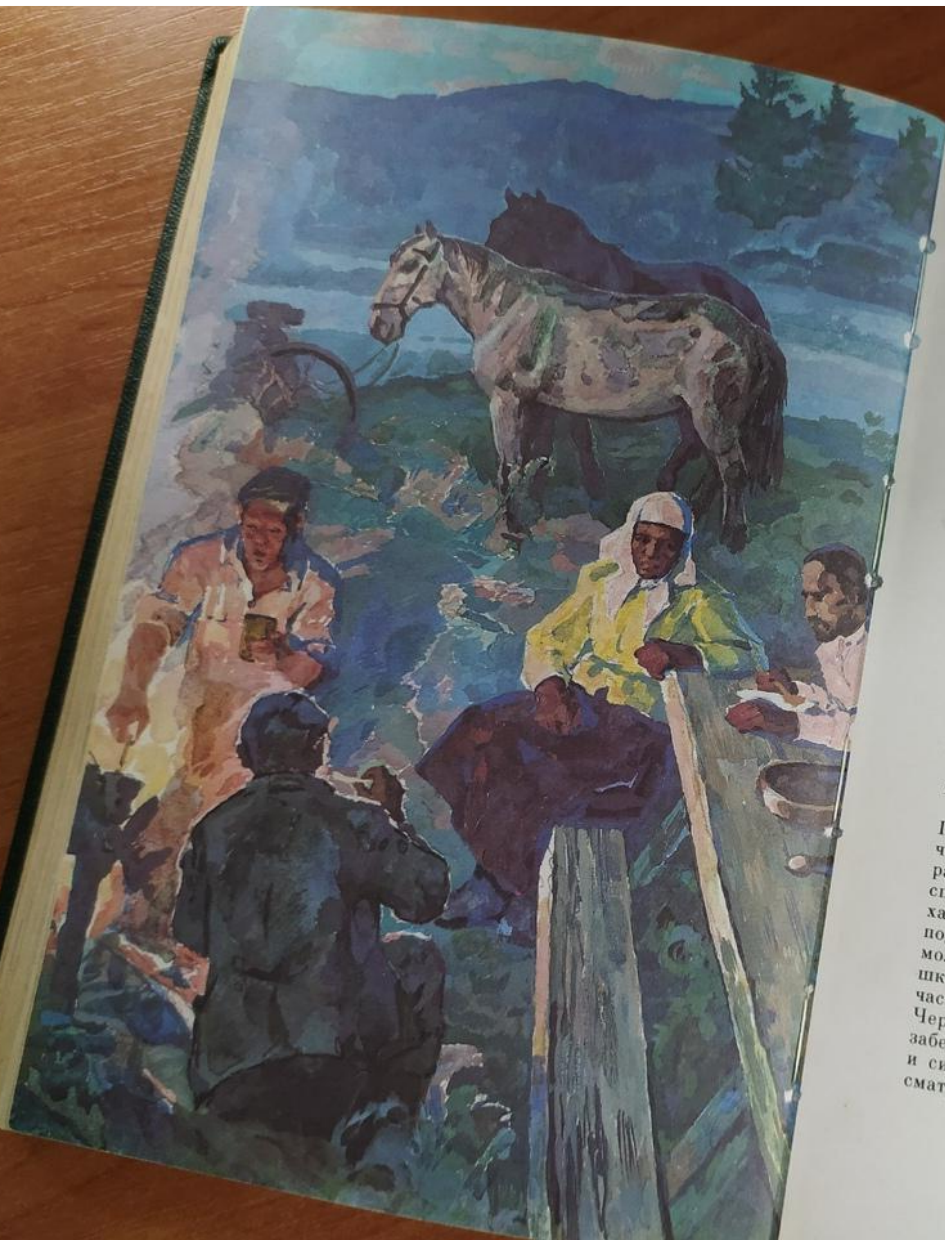
14

...То не кустышка в поле расстонался,
Не кукушца серая на жизнь плачется,
То у нас в селе вдова народилась...

Так, такими бы словами, запомнившимися с детства, хотелось Пелагее выплакать свое горе. А еще больше ей хотелось бухнуть прямо на колени и принародно покаяться перед

78

Грибово — единственное место по Черемшанке, где не держится комар. Высокий, широко расползшийся холм, как шляпа гриба-великана, поднимается над зелеными лугами. В погожие страдные дни там никнет трава от жары, а с тонких говорливых осинков, угнездившихся по скатам холма, все лето не сходит загар. По вечерам же с лугов тянут сквозняки. Словом, как ни хитри комар, а зацепиться не за что.

Именно поэтому, выбирая место для новой избы на здешнем покосе, облюбовали Грибово. Изба, сложенная из крепкого, все еще сочащегося слезой сосняка, получилась добротная, просторная. Только на одних нарах, опоясываясь поди стены, может разместиться десятка подтора людей, а если еще застлать пол сеном, то живи хоть всем колхозом.

Днем, когда люди на покосе, у избы остаются Володька да Пуха.

С обязанностями своими Володька справлялся походя. Присмотреть за пятью-шестью лошадьми, согреть утром и вечером чайники, нарубить дров для костра — да разве это работа для пятнадцатилетнего крепыша? Правда, он мог бы спуститься на покос — лишние грабли там никогда не помешают, тем более что в горячие дни приходилось специально подбрасывать из деревни домохозяйек и голосятый актив — молодые девушки из контор, студенток-отпускниц, часами бродил он с удилицем по отлогим осыпистым берегам Черемшанки, валялся в избе, дуря от сна и скуки, а то опять заберется на каменный лоб, круто нависший над речкой, и сидит неподвижно и окаменело, как ястреб-рыболов, высматривающий добычу.

